

Евгений Васильевич Шеулов (1948–2023) – известный краевед, историк, журналист, член Союза журналистов России с 1981 года, заслуженный работник средств массовой информации Ульяновской области. В 1989–2007 годах Евгений Шеулов возглавлял новостную районную газету «Сельская правда». Он сотрудничал с журналом «Мономах» с 1996 года, был постоянным корреспондентом газет «Ульяновская правда» и «Дыхание земли», журнала «СимбирскЪ». Все его статьи написаны с любовью к людям. В каждом простом человеке он находил неповторимую изюминку и умел зажечь читателя симпатией ко своим героям.

Ещё одна страсть Евгения Васильевича – музыка. В семье Шеуловых любили классическую музыку, ценили народное пение. Вера Васильевна, сестра Евгения Шеулова, была пианисткой, преподавала фортепиано в Ульяновском музыкальном училище. Вместе они, брат и сестра, не пропустили концертов симфонического оркестра Ульяновской филармонии. Мы решили познакомить читателей с очерком Е.В. Шеулова о любви к пению его предков (печатается в сокращении).

Корни

Подумалось тогда,
что Русь всегда останется
Русью, в какие
бы иноземные одежды
ни рядилась
правлящая верхушка.
И под немецким платьем
всегда билось русское
сердце, веселилась,
скорбела и негодовала
русская душа.

брат. Он светлел лицом, уносясь мыслями куда-то далеко, может быть, в свою молодость, отмеченную несчастной любовью к дочери знаменитого сызранского купца Белова, у которого ещё до революции они работали с моим дедом приказчиками. Кажется, в тот миг дядя Серёжа ничего не слышал и не понимал, кроме своей песни. Совсем по-другому пел дед Иван, по-молодецки лихо вскидывая лысую голову и шевеля усами. Мой дядя Коля, приезжавший из Самары, пел сосредоточенно, с выражением какой-то мрачноватой решимости на обычно весёлом и добродушном лице. Он старался петь громко, стараясь перекрыть остальных, и хотя от его рулад почти у всех звенело в ушах, его никто не останавливал, ему, что называется, давали себя выразить, как, впрочем, и всем остальным.

В момент наивысшей кульминации песенного исполнительства дед, пошатываясь, поднимался со стула и открывал окна. Делалось это в любую погоду и в любое время года. Все должны были слышать и знать, как хорошо и весело гуляют у Захаровых. Эти интересные собрания прекратились в середине 50-х, когда умер мой дед. Вроде бы и люди остались те же, а веселье распалось. Наверное, всё же многое зависело от хозяина.

Любителями пения были и все мои родичи и по отцовской линии. Хорошо и с удовольствием пела моя покойная бабушка Дуня и её сестры, и все её дети, из которых прежде всего следует выделить мою старшую тётю, Пелагею Дмитриевну.

В своё время я помогал своей дочери-студентке собирать местный фольклор и, в частности, старинные народные песни. Отец посоветовал мне обратиться к услугам тётки Поли, приходившейся ему родной сестрой, и, прямо скажу, слушая её пение, я почувствовал себя вознаграждённым и за ранний подъём, и за получасовую тряску в душном и пыльном автобусе. Из песен, услышанных мною, можно было бы при желании составить солидный сборник. Старинных песен тётя Поля знала великое множество, и многие из них были характерны для той местности, где она провела детские и девичьи годы, а это пределы Новоспасского района.

Мне вспомнились гуляния в доме моего деда по материнской линии – Ивана Яковлевича Захарова. Дом его стоял в центре села, на пригорке. Помню, то был конец 1950-х годов. Мои родители, будучи людьми молодыми, жили в райцентре, но всякий раз по воскресеньям приезжали навестить родителей и брали нас с сестрой. Приезжали обычно утром, заходили, здоровались, бабушка накрывала на стол. Дед с отцом шли в кооперацию (так многие годы назывался на селе магазин), покупали обычно «Особую московскую» и «красненькую» для женщин. По пути к дому к ним прибывал ещё какой-нибудь дальний родственник или просто хороший знакомый, помнивший моего отца по детству и юности. Брали и его в компанию, а когда приходили домой, то вдруг оказывалось, что там уже сидит кто-нибудь из соседей, братьев Грачёвых, любителей игры на гитаре. Старший из Грачёвых, Вениамин, приносил её, семиструнную, обвитую бантом, оклеенную переводными картинками лубочного характера. Спустя час чинная до того компания уже пела во всю мощь своих глоток и лёгких. Причём пели вроде бы одни и те же песни, неизменно, от встречи до встречи, но всё дело и весь интерес заключались в том, как они исполнялись.

Вспоминаю, как задумчиво пел дядя Серёжа, младший дедов

Последние годы для нашего семейства были отмечены многими юбилеями, и за столами всегда звучали песни. Плясать как-то не было принято, а вот пели всегда с большой охотой. Часто звучала старинная песня, известная в последние годы по замечательному исполнению Жанны Бичевской: «У церкви стояли кареты». Каждый из нашей родни исполнял её по-своему. Тетя Поля и тетя Женья пели её по-бабьи, так, как обыкновенно поют деревенские люди. Мой отец, как человек более образованный, придавал ей черты русского романса, муж моей двоюродной сестры, молодой и горячий стоматолог Александр, исполнял песню о неравном браке как героическую балладу, с придыханием, чётко выговаривая слова.

Конечно, кроме излияния души и соревнования в артистизме, самодеятельные исполнители преследовали и другие, более прозаические цели. Нередко за столом подвыпившие гости просто состязались в том, кто больше знает старых песен. Алексей, муж моей двоюродной сестры Любы, однажды на каком-то семейном юбилее спел мало кому известную песенку о деревенской девушке, которая пасла гусей. Слова её я уже забыл, но помню припев, начинающийся со звукоподражания гусиному крику: «Тега, тегга!» И таких малоизвестных песен Алексей знает великое множество.

Наиболее часто исполняемой песней на съездах отцовской родни была и остается «Меж крутых бережков». Сколько помню себя, постоянно её слышал. Начинал отец. Он откидывался на спинку стула и с мечтательной улыбкой, словно видя перед собой величественную картину волжского простора, сильным баритоном начинал модулировать: «Меж крутых бережков // Волга ре-е-ечка-а-а те-э-чо-от, // А за нею-ю-у в во-о-лна-ах // Легка лодка-а-а плывёт...»

Все умиротворённо подтягивают, постепенно понижая голос, словно засыпая. И вдруг соколом взвивается Алексей, сообщая уже затухающей песне неожиданную динамичность и выразительность: «В ней сидел молодец; // Вол-

Фото В. Королёва

ны резал веслом! // Красна шапка на нём // И кафтан с галу-у-ном!»

А потом опять песня переходила в обычное спокойное русло, принося всем собравшимся душевное удовлетворение, и, заканчивая её, исполнители чувствовали некоторую приятную усталость, какая неизбежно сопутствует всякому хорошо выполненному делу.

...Однако вернёмся к свадьбе в колхозной столовой. Очень скоро, повинувшись каким-то внутренним законам, гуляющие словно забыли о том, по какому случаю собрались. Прошла официальная часть, отзвучали тосты и пожелания, уже вручили молодожёнам подарки и деньги. Пришло время вспомнить о другой задаче, ради которой и пришли на свадьбу гости: «людей посмотреть, себя показать». А где же показать-то себя, как не в песне? Молодёжь, понятное дело, кучкуется на свободной от столов и стульев части зала, изображает какое-то подобие танца. Но старшим уже невмоготу: хочется петь. И вскоре неожиданно мощно звучит-разливается над столами так же, как сто и двести лет тому назад, русская песня:

Как у Дунюшки, у голубушки
Лицо белое, набелённое,
Щечки алые разгораются,
Глаза чёрные, развесёлые,
Брови чёрные, наведённые.
Ее буйна головка гладко чёсана,
Её русая коса мелко плетена.
Во русой-то ли косе лента алая,
Лента алая, девка нравая.

Кто бы Дуню полюбил, тот счастливым был,

А от Дунюшки отстал, несчастным стал...

Слушал я своих земляков и не одно только восхищение испытывал от ладного их пения, а будто переносился мыслями в прошлое, в ту пору, когда не только меня, но и родителей-то моих на свете не было. А сколько веков насчитывает традиция русского крестьянского пения, одному Богу известно. Давно замечено: пение не только возвышает душу, но и размягчает её.

Звучат-тянутся за столом старые песни, мерно лётся неторопливая беседа про старые годы, а у меня вдруг начинает щемить сердце... Как никогда чувствую я свои корни, свою связь со всеми этими людьми и с теми, кого уже давно нет среди живых, а остались только воспоминания.

На следующий день после гуляния едем на сельское кладбище, где последний раз довелось бывать в позапрошлую Пасху. Читаю надпись на кресте деда: «Под сим крестом покоится прах Захарова Ивана Яковлевича» и в который уже раз удивляюсь, что от весёлого и хлопотливого человека всего-то и осталось, что имя да даты жизни на кресте. Побывал и на бабушкиной могилке, подивился разросшемуся клёну, посаженному десять лет назад, в двадцатую годовщину смерти. Подумалось: каждый из нас чем-то сродни этому клёну, глубоко пустившему корни в родную почву, и только суетная сущность человека не позволяет уподобиться этому привязчивому и жизнестойкому дереву в полной мере. И все же, куда бы ни бросала нас судьба, память о корнях, пусть и подспудно, живёт в неизведанных глубинах нашего «я», и порой достаточно нечаянного, мимолётного движения души, чтобы её разбередить... И можно только подивиться всеведению поэта, на все времена написавшего: «Два чувства дивно близки нам, // В них обретает сердце пищу: // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам».

Войстину так, и по-другому быть не может! А иначе можем ли мы называться людьми?